

A woman with long dark hair and cat ears is the central figure. She is wearing a red lace bra and matching red lace underwear. She holds two trident spears, one in each hand, positioned vertically. The background is a fiery, hellish landscape with flames and smoke. The overall tone is sensual and provocative.

Александр Эрот

Развратная адская кошка

18+

Александр Эрот

Развратная адская кошка

<https://litres.ru/74360697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была Княгиней Похоти — бессмертным демоном, играющим душами смертных. Он — обычный хирург, каждый день вырывающий жизни из лап смерти. Когда их миры столкнулись, древний контракт Ада вступил в силу: если демоница узнает истинную любовь, она потеряет бессмертие и станет уязвимой.

Запретная страсть, превратившаяся в искупление, заставляет Киру совершить немыслимое — отречься от Бездны ради человека. Но Ад не отпускает своих князей просто так. Чтобы защитить единственного любимого, ей придется вступить в жестокую, смертельную битву с древним злом, имея в арсенале лишь хирургическую сталь, верность и собственное уязвимое, истекающее кровью сердце.

Это чувственная, мрачная и невероятно красивая мистическая драма от мастера эротической прозы. История о том, как одна чистая слеза может смыть сажу вечных грехов, а один поцелуй — подарить бессмертной душе право стать смертной и наконец узнать, что такое настоящее счастье.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Эрот

Развратная адская кошка

Глава 1

Когда Сатана смеялся, с потолка тронного зала осыпалась раскаленная сера.

— Любовь? — расхохотался он, утирая кровавую слезу. — Моя лучшая охотница, демон с кошачьей грацией, разрывающая грешников в клочья, хочет познать любовь?!

И вот теперь я здесь. В баре на окраине Москвы. На мне облегающий кожаный костюм (в Аду не слышали про дресс-код, я импровизировала), а какой-то потный смертный уже пять минут пытается купить мне коктейль. Мои инстинкты вопят: выпусти когти и перережь ему яремную вену. Но инструкция гласила, что любовь начинается с "флирта".

Я заставила себя улыбнуться, показав чуть больше острых клыков, чем следовало.

Воздух в этом заведении обладал плотностью нестиранного бархата, пропитанного кисловатым запахом пролитого пива, дешевого табака и тяжелой, липкой человеческой испарины. Бар на окраине Москвы мало чем отличался от преддверия Лимба, разве что в Лимбе играла музыка чуть более высокого качества, а стоны грешников звучали куда искрен-

нее, чем натужный смех подвыпивших женщин, пытающихся привлечь к себе внимание.

Я сидела у стойки, закинув ногу на ногу, и позволяла полумраку очерчивать изгибы моего тела. Кожаный костюм, который я выбрала для своего земного дебюта, облегал меня с безжалостной теснотой второй кожи. Черная матовая материя сковывала движения ровно настолько, чтобы каждое мое усилие, каждый поворот головы или подъем бокала превращались в медленный, гипнотический танец укрошенной плоти. В Аду, где тела сотканы из пламени и боли, не существует понятия одежды. Там нагота абсолютна и разрушительна. Здесь же, на Земле, я начинала понимать, что сокрытие формы возбуждает смертных куда больше, чем ее демонстрация. Ткань — это граница. А люди обожают нарушать границы.

Мужчина рядом со мной дышал так тяжело, словно его легкие были забиты песком. Я не смотрела на него, но чувствовала его присутствие каждой нервной клеточкой, каждым волоском на коже, реагирующим на изменение температуры. От него исходили волны густого, первобытного желания — того самого неконтролируемого, грубого голода, который заставляет зверей спариваться в грязи.

Он попытался заговорить со мной еще минут пять назад. Предлагал угостить коктейлем, сыпал банальными, как придорожная пыль, комплиментами, пытаясь заглянуть в мои глаза. Но мои глаза — с их неестественно яркой, желтова-

той радужкой и зрачками, которые в темноте так и норовили сузиться в вертикальные щели — пугали его, заставляя отводить взгляд на мои губы, шею и ниже.

И вот, перепутав мое молчаливое наблюдение с покорностью, он решил сократить дистанцию.

Его широкая, влажная ладонь легла мне на колено.

Я замерла. Время вокруг нас, казалось, замедлило свой бег, загустело, превратившись в патоку. Я ощутила вес его руки, жар его кожи сквозь прохладную гладкость моей одежды. В ту же секунду внутри меня, в самых темных, неисследованных глубинах моего нового человеческого тела, проснулся Демон. Это не было метафорой. Это был физический спазм. Мои мышцы напряглись с силой сжатой стальной пружины. Под безупречным глянцем маникюра нервно задрожали фаланги пальцев, инстинктивно пытаюсь выпустить бритвенно-острые когти, которые я усилием воли прятала в человеческой плоти.

Мои инстинкты — сотни лет тренировок в серных пустах, где я была лучшей гончей Преисподней — взвыли в один голос: убить, сожрать, разорвать. В моем воображении я уже видела, как моя рука молниеносно взмывает вверх, как ногти вспарывают тонкую кожу на его шее, как теплая, пульсирующая артериальная кровь брызжет мне на лицо, смывая этот тошнотворный запах дешевого одеколона. О, какое бы это было сладкое, пьянящее освобождение! Акт убийства для демона — это акт абсолютной близости, высшая точка

соприкосновения двух существ, превосходящая любой сексуальный экстаз.

Но инструкция гласила иное. «Любовь начинается с флирта», — так было написано в глупых глянцевых журналах, которые я листала перед тем, как спуститься (или подняться?) в этот бар.

Я заставила себя сделать медленный вдох. Кислород обжег легкие. Я повернула голову и посмотрела на него в упор. Вблизи он оказался еще более жалким: расширенные зрачки, капельки пота над верхней губой, неровное, прерывистое дыхание существа, находящегося во власти своих низменных желез. Он ждал моей реакции. Ждал покорности, улыбки, или, на худой конец, возмущения.

Вместо этого я подалась вперед. Мое лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его лица. Я уловила, как дрогнул его кадык. Я позволила своим губам растянуться в медленной, тягучей улыбке, обнажив чуть больше белоснежных зубов, чем принято у людей. Клыки едва заметно блеснули в свете неоновых ламп.

Мой голос прозвучал как низкое, вибрирующее мурлыканье крупного хищника, которому только что бросили кусок парного мяса:

— Еще одно прикосновение, милый... и твое сердце будет биться в моих руках. В буквальном смысле.

Я произнесла это мягко, почти нежно, словно обещала ему величайшее блаженство в его никчемной жизни. И в тот

момент, когда слова достигли его сознания, я увидела, как меняется химический состав его запаха.

Сладковато-гнилостный мускус похоти мгновенно испарился, смытый резкой, кислой волной чистого, кристально-го ужаса. Биология взяла свое. Человеческий самец внезапно осознал, что сидит не рядом с доступной самкой, а перед открытой пастью бездны.

Его рука дернулась, словно от ожога, и соскользнула с моего колена. Лицо побледнело, покрывшись пепельным налетом, глаза расширились так, что стали видны красные прожилки на белках. Он не произнес ни слова. Просто медленно, не отрывая от меня замороженного, полного паники взгляда, сполз с высокого барного стула. Затем развернулся и, едва не сбив с ног официантку с подносом, бросился к выходу, растворившись в дождливой московской ночи.

Я осталась одна.

Я опустила глаза на свое колено. На черной коже не осталось никаких следов, кроме легкого, быстро остывающего тепла. Но внутри меня бушевала буря неудовлетворенности. Мое тело гудело от подавленного адреналина. Отказ от убийства, отказ от того, ради чего я была создана, ощущался как прерванный половой акт — мучительное, болезненное напряжение внизу живота, пульсация в висках, требующая разрядки.

Я взяла со стойки бокал с красным, как венозная кровь, терпким напитком и сделала глоток. Горечь обожгла язык,

но не принесла облегчения.

В памяти, незванный и оглушительный, всплыл смех Сатаны.

Когда я стояла перед ним в тронном зале, где стены митотчили расплавленным золотом и чужими страданиями, с потолка, содрогающегося от его хохота, осыпалась раскаленная сера. Она падала на мои обнаженные плечи, прожигая кожу до костей, но я даже не вздрагивала, наслаждаясь этой знакомой, родной болью.

— Любовь? — Его смех был подобен грохоту тектонических плит. Он откинул голову назад, утирая огромным, усеянным перстнями пальцем кровавую слезу, скатившуюся по щеке. — Моя лучшая охотница, демон с кошачьей грацией, разрывающая грешников в клочья, выпивающая их надежды до дна... хочет познать любовь?!

Я считала его слепцом. Я была уверена, что там, наверху, за пределами нашего царства вечных пыток, существует иная энергия. Нечто столь же мощное, как ненависть, но со знаком плюс. Сила, заставляющая смертных жертвовать собой, творить нелепые глупости и возводить храмы. Я заключила с ним сделку, поставив на кон свою бессмертную душу, свою демоническую суть, чтобы спуститься сюда и вкусить этот запретный, неведомый плод.

И что же я нашла?

Я медленно обвела взглядом темный зал бара, позволяя

своим чувствам обостриться. В отсутствие моей сбежавшей жертвы, я переключила внимание на остальную "паству". Мой слух, зрение и обоняние, приглушенные человеческой формой, все еще оставались достаточно острыми, чтобы пре-парировать реальность.

В кабинке у стены сидела пара. Мужчина, чьи сидящие волосы были зачесаны назад с явным усилием скрыть плешь, что-то оживленно шептал на ухо молодой девушке. Его рука, как и рука моего недавнего знакомого, властно покоилась на ее бедре. Но девушка не слушала его. Я слышала аритмичный, тревожный стук ее сердца. Я видела микроскопическое напряжение мышц челюсти, когда она заставляла себя улыбаться. От нее пахло страхом за завтрашний день, холодной калькуляцией и легким отвращением к самой себе. От него пахло самодовольством и уверенностью в том, что все имеет свою цену. Где здесь любовь? Это была обычная сделка, прикрытая суррогатом романтики. В Аду демоны честнее: мы сразу говорим, сколько кусков плоти заберем за ту или иную услугу.

За соседним столиком двое юнцов громко смеялись, пытаясь перекрыть музыку, и бросали раздевающие взгляды на танцующих девушек. Их кровь кипела от гормонов, они были опьянены собственной молодостью и жадой самоутверждения. В их телах бурлила энергия, но это была слепая, хаотичная энергия разрушения и потребления. Точно такие же взгляды я видела у низших бесов, когда они на-

брасывались на свежие души, упавшие в Стикс.

Я скользила взглядом по лицам, по напряженным фигурам, по сплетенным рукам. Я искала ту самую искру, о которой писали их поэты. То самое возвышенное слияние душ, ту гармонию плоти и духа, которая должна была перевернуть мой мир. Но я видела лишь сложный, многоуровневый театр лжи.

Они лгали друг другу, чтобы получить желаемое. Они лгали самим себе, называя животный инстинкт размножения «страстью», а страх одиночества — «привязанностью». Каждый из них был заперт в тюрьме собственного эгоизма, отчаянно пытаясь использовать другого как инструмент для получения удовольствия или облегчения боли.

Их плоть была слабой, их желания — предсказуемыми, их эмоции — мутными, как вода в застоявшемся пруду. В Аду боль абсолютна. Она чиста, как бриллиант. Она не терпит полутонов. Когда грешник кричит в котле с кипящей смолой, в его крике нет фальши. А здесь, на Земле, все казалось разбавленным, покрытым липкой пленкой лицемерия.

Я провела кончиками пальцев по краю бокала, чувствуя холодное стекло. Мои пальцы дрожали — не от демонической жажды крови, а от странного, пугающего холода, поднимающегося изнутри.

Мои адские инстинкты были просты и понятны: доминировать, причинять боль, упиваться властью. Но таинственная «любовь», ради которой я пожертвовала своими девя-

тью жизнями, ради которой я надела этот тесный человеческий костюм из мяса и костей, казалась фантомом. Иллюзий, придуманной этими жалкими существами, чтобы оправдать свое бессмысленное размножение.

Я закрыла глаза, пытаюсь успокоить сбившееся дыхание. В груди, там, где у людей бьется сердце, я почувствовала глухую, тянущую пустоту. Впервые за тысячелетия своего существования великая Охотница, демон с глазами цвета жидкого золота, почувствовала то, что смертные называют растерянностью.

А что, если старый Лжец на троне был прав?

Что, если он смеялся не над моей дерзостью, а над моей наивностью?

Что, если любви просто не существует, а я — лишь глупая кошка, променявшая величие адского пламени на холодную, грязную лужу в переулке чужого мира?

Я открыла глаза и посмотрела на свое отражение в темном зеркале за барной стойкой. Женщина в черной коже смотрела на меня в ответ. Ее губы были чувственными, линия шеи — безупречной, но в желтых глазах плескалась бездна.

— Нет, — прошептала я одними губами, и мое дыхание затуманило стекло. — Я не сдамся. Если эта ваша любовь существует... я выпотрошу этот мир, но найду ее. И заставлю ее подчиниться.

Я одним глотком допила свой горький коктейль, бросила на стойку смятую купюру, пахнущую типографской краской,

и плавно соскользнула со стула. Мои каблуки беззвучно ступили на грязный пол. Охота только началась, и я, привыкла получать свою добычу. Даже если эта добыча — эфемерное чувство, о котором смертные знают так же мало, как и я.

И тут я увидела его, мужчину в глазах которого мелькнуло то самое, я сделала всё чтобы не упустить добычу, и он сам не понял, как я оказалась в его постели.

Глава 2

Воздух в спальне Макса сгустился, приобретая терпкий, почти осязаемый вкус грозы, раскаленного металла и того темного, дурманящего мускуса, который всегда предшествовал её появлению. Ночь за окном казалась лишь бледной декорацией по сравнению с той бездной, что сейчас перешагнула порог его дома.

Кира не просто вошла — она просочилась сквозь тени, как хищная пантера, ступающая по бархату. Каждое её движение было совершенным, гипнотическим танцем, симфонией скрытой угрозы и первобытной, парализующей грации. В её понимании обольщение не имело ничего общего с человеческим кокетством. Для демона, рожденного в горниле inferнальных страстей, любовь была синонимом абсолютного доминирования. Любить — значит владеть. Любить — значит повергнуть к ногам избранника весь мир, заставив этот мир захлебнуться кровью в знак преданности.

Сегодня она пришла не с пустыми руками.

Макс сидел на краю разобранной постели, когда услышал глухой, тяжелый звук — звук падающего на паркет человеческого тела. Лунный свет, прорезавший полумрак комнаты, выхватил из теней высокую, ослепительно прекрасную фигуру Киры. На ней было нечто, лишь условно напоми-

нающее одежду — полосы черного шелка, едва скрывающие мраморную бледность её идеального тела, подчеркивающие высокую грудь и бесконечно длинные ноги. Её глаза, два бездонных колодца жидкого золота, мерцали в темноте с нескрываемым торжеством.

А у её ног лежал человек.

Макс почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод, когда он узнал в изломанной, связанной фигуре на полу Баура — главаря местной банды, который на прошлой неделе имел неосторожность угрожать Максу. Теперь этот некогда страшный человек представлял собой жалкое зрелище. Он был туго скручен автомобильным тросом, его лицо превратилось в сплошной кровоподтек, а во рту торчал кляп из чьего-то грязного шарфа. Баур мычал, вращая налитыми кровью глазами в животном, неконтролируемом ужасе.

Кира грациозно перешагнула через бьющееся в конвульсиях тело и приблизилась к Максу. Она смотрела на него так, как кошка смотрит на своего хозяина, принося ему на подушку еще теплую, задушенную мышь. В её взгляде читалась гордость, ожидание похвалы и темное, пульсирующее вожеление.

— Он смел дышать в твою сторону, мой сладостный, — её голос был подобен густому меду, в котором скрывались осколки стекла. Она опустилась перед Максом на колени, но даже в этой позе покорности она оставалась абсолютной владчицей положения. Её длинные, прохладные пальцы с иде-

альным маникюром легли на его колени, медленно, дразняще поползли вверх, по обнаженной коже его бедер. — Я вырвала его клыки. Я принесла его тебе. Хочешь, я заставлю его глотать собственные пальцы, пока ты будешь смотреть? Это мой дар. Моя дань твоему совершенству.

Макс замер. Сердце колотилось в горле, разрываясь между глубочайшим человеческим ужасом и предательским, темным возбуждением. В этой чудовищной сцене было нечто первобытно эротичное. Могуущественное, древнее существо, способное стереть в порошок города, сейчас стояло перед ним на коленях, предлагая ему жизнь и боль другого человека как величайший знак своей привязанности. Её близость опьяняла. От её кожи исходил жар, её полуоткрытые губы манили, обещая наслаждения, от которых плавится разум.

Он сглотнул, чувствуя, как её ладони скользят под его футболку, обжигая живот ледяным огнем. Баур на полу издал жалкий стон, но Кира даже не удостоила его взглядом. Для неё он был просто куском мяса, оберточной бумагой, в которую был завернут её подарок.

— Кира... — Макс выдохнул её имя, его голос дрогнул. Он накрыл её блуждающие руки своими ладонями, останавливая их дерзкий путь. — Что ты наделала?

Её золотые глаза сузились. В них мелькнуло недоумение, легкая тень разочарования. Она наклонила голову набок, и прядь её иссиня-черных волос скользнула по его бедру.

— Ты не рад? — в её голосе зазвучала опасная, вибриру-

ющая нота. — Он оскорбил то, что принадлежит мне. Никто не смеет касаться моей собственности. Я принесла его тебе, чтобы ты насладился властью. Разве не этого хотят смертные? Разве не в этом кроется высшая страсть — стоять на горле поверженного врага?

Макс закрыл глаза, пытаясь собрать мысли. Философия Ада была проста и безжалостна: любовь измерялась трофеями, силой и готовностью убивать ради объекта страсти. Но он был человеком. И он хотел от этого демона нечто гораздо более сложное, чем окровавленные подношения.

Он мягко сжал её запястья, заставляя Киру поднять на него взгляд.

— Усыпи его, — тихо, но твердо сказал Макс, кивнув на Баура. — Сделай так, чтобы он ничего не слышал и не чувствовал. Мне не нужны зрители.

Кира изящно повела плечом. Одно короткое движение её пальцев, легкий шепоток на забытом языке — и бандит на полу мгновенно обмяк, погрузившись в глубокий, неестественный сон. В комнате воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Макса.

— А теперь послушай меня, — Макс потянул её вверх, заставляя подняться с колен и сесть рядом с ним на край постели. Пружины скрипнули. Кира оказалась так близко, что он чувствовал её аромат, видел, как вздымается её грудь. Она была напряжена, словно сжатая пружина, готовая в любой момент сорваться в атаку.

— Ты прекрасна, — начал он, и это была чистая правда. Он провел тыльной стороной ладони по её щеке. Кожа Кира была гладкой, как полированный обсидиан, и такой же непреклонной. — Твоя сила пугает и завораживает меня. Но то, что ты сейчас сделала... это не любовь, Кира.

Демоница презрительно усмехнулась, обнажив краешки острых, как бритва, клыков.

— Ты хочешь сказать, что не почувствовал трепета? — она подалась вперед, её губы оказались в миллиметре от его губ. — Я слышу, как бьется твое сердце, Макс. Я чувствую запах твоего желания. Твоя кровь кипит. Тебя возбуждает моя власть, даже если ты боишься в этом признаться.

— Возбуждает, — честно признался Макс, не отводя взгляда. — Меня возбуждаешь ты. Но власть — это суррогат. Это дешевая замена тому, что люди называют любовью.

Кира отстранилась, её лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Человеческая любовь — это слабость, — выплюнула она это слово, как яд. — Это жалкие цветы, которые вянут через три дня. Это сладкие слова, за которыми прячется ложь. Я предлагаю тебе вечность, защищенную сталью и кровью. Я предлагаю тебе мир, где никто не посмеет причинить тебе боль.

— Ты предлагаешь мне золотую клетку, построенную на костях, — Макс вздохнул, его пальцы медленно заскользили по её обнаженному плечу, спускаясь к груди. Он чувство-

вал, как под её идеальной кожей пульсирует темная, нечеловеческая энергия. — Кира, послушай меня. Трофеи, мертвые враги, доминирование — это все от страха. Вы, демоны, боитесь потерять контроль, потому что контроль — это единственное, что держит ваш мир вместе.

Он взял её руку — ту самую руку, которая сегодня ломала кости, — и поднес к своим губам. Макс нежно поцеловал её в центр ладони. Кира вздрогнула. Это было едва заметное движение, микроскопический спазм мышц, но для неё это было сродни землетрясению. Она привыкла к боли, к ударам, к покорности своих жертв, но эта бескорыстная, ни к чему не принуждающая нежность сбивала её с толку.

— Любовь — это не то, что ты приносишь в зубах, — продолжил Макс, не выпуская её ладони. Его голос стал глубже, бархатнее, обволакивая её, как теплое покрывало. — Любовь — это забота. Это когда тебе не нужно доказывать свою силу, потому что я и так знаю, кто ты. Это эмпатия. Это желание понять, что чувствую я, а не навязать мне то, что считаешь правильным ты.

Кира смотрела на него широко раскрытыми золотыми глазами. Её зрачки, обычно вертикальные, как у рептилии, сейчас расширились, заполняя почти всю радужку.

— Забота? — эхом повторила она, пробуя это слово на вкус, словно оно было отравлено. — Ты хочешь, чтобы я стала слабой?

— Я хочу, чтобы ты стала уязвимой, — тихо произнес

Макс.

Это слово повисло в воздухе, как приговор. Уязвимость. Для существа из преисподней это понятие было страшнее святой воды, страшнее клинка архангела. Уязвимость означала смерть. Означала, что ты открываешь свое мягкое брюхо хищникам.

— Если я стану уязвимой, меня уничтожат, — её голос дрогнул, потеряв свою повелительную сталь. В этот момент она показалась Максиму не адским хищником, а потеряннным, очень одиноким созданием, закованным в непробиваемую броню из собственной жестокости.

— Я не уничтожу, — Макс придвинулся ближе. Их колени соприкоснулись. Он обхватил её лицо обеими руками. Его прикосновение было твердым, но лишенным всякого желания подчинить. Он просто держал её, давая понять, что никуда не уйдет. — В этом и есть величайший парадокс любви, Кира. Мы добровольно отдаем другому человеку оружие, способное нас убить. Мы снимаем доспехи. Мы стоим обнаженными — не физически, а душой. И мы доверяем тому, кого любим, что он не нанесет удар.

Кира тяжело задышала. Её грудь вздымалась, дыхание обжигало губы Максима горячим, сухим ветром пустыни. В её глазах боролись тысячелетние инстинкты убийцы и совершенно новое, парализующее чувство, которое этот хрупкий смертный вызывал в её черной душе.

Она привыкла брать силой. Привыкла наслаждаться чу-

жим страхом. Но сейчас Макс не боялся её. Его пульс, который она чувствовала под своими пальцами, бился ровно и сильно. Он предлагал ей нечто гораздо более сложное и страшное, чем плотская страсть. Он предлагал ей сдаться. Не капитулировать перед силой, а раствориться в доверии.

— Это безумие, — прошептала она, её глаза затуманились пеленой, похожей на слезы — жидкостью, которую её вид никогда не знал. — Это противоречит всему, ради чего я была создана.

— Да, — согласился Макс, его губы почти касались её губ. — Но разве тебе не наскучило быть просто хищником? Разве ты не хочешь узнать, каково это — когда тебя не боятся, а просто... хотят? Когда тебя касаются не для того, чтобы умиловить, а потому что не могут без тебя дышать?

Он наклонился и медленно, с мучительной нежностью прижался губами к её губам. Это не был поцелуй завоевателя. Это не было жадное поглощение, к которому она привыкла. Это был вопрос. Приглашение.

Кира замерла на секунду, её тело было напряжено, как натянутая тетива. А затем произошло невероятное. С тихим, почти болезненным стоном демоница подалась вперед. Её руки, созданные для того, чтобы рвать плоть, неуверенно, почти робко обвили его шею. Она открыла губы, впуская его, отвечая на поцелуй с такой отчаянной, неумелой жадой, что у Макса закружилась голова.

Весь её inferнальный холод, вся её жестокая броня нача-

ли плавиться под воздействием этой простой человеческой ласки. Макс провел руками по её спине, чувствуя, как расслабляются каменные мышцы, как хищник внутри неё отступает, уступая место женщине — древней, могущественной, но внезапно осознавшей, что самое большое наслаждение кроется не во власти над чужой жизнью, а в добровольной отдаче своей собственной.

Они упали на постель, сплетаясь в объятиях. Тело спящего бандита на полу было забыто, стерто из реальности, превратившись в ничтожную пылинку на фоне той бури, что сейчас разворачивалась на смятых простынях. Кира прижималась к Максy, её кожа пылала, её поцелуи становились все более глубокими, но в них больше не было попытки доминировать. Она исследовала его так, как слепой исследует лицо возлюбленного — с трепетом, с осторожностью, боясь сломать.

— Научи меня, — жарко прошептала она ему в шею, её пальцы зарылись в его волосы, судорожно сжимая пряди. В её голосе больше не было властности королевы преисподней; это была мольба изголодавшейся души. — Научи меня этой вашей... слабости.

Макс улыбнулся в темноте, чувствуя, как её горячее, идеальное тело скользит по его коже, пробуждая в нем первобытный огонь. Она оказалась сверху, и он вошёл в неё нежно, но требовательно, Кира сама задавала темп, макс пока

не умел всегда доводить её до пика удовольствия. Чтобы достичь цели она искусно стимулировала себя руками, продолжая интенсивную скачку. Макс замороженно смотрел на ее движение рукой, он никогда не видел этого вживую, это возбуждало, и ему одновременно было стыдно. Вдруг её тело затряслось и обмякло на нем, он перестал сдерживать себя, и они почти одновременно достигли пика удовольствия.

— Научи меня любить прошептала Кира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.